

Леонид АВЕРБУХ

"Блюмкиниада": реальность, похожая на миф

Повышенный интерес, который "с молодых ногтей" я испытывал к сфере внешней разведки, ничуть не ослабевший даже после неудавшейся попытки профессионального приобщения к ней, показал насколько безгранична эта самая сфера, как богата её история, какие незаурядные и талантливые люди посвятили ей свою жизнь. Хотя, конечно, в определённой части случаев мотивацией деятельности разведчиков служили и служат не патриотизм и не бескорыстный интерес к профессии, а изрядные суммы вознаграждения и иные, сугубо прагматичные соображения. Среди них даже "отмалывание" вины за прегрешения, за предательство, за государственную измену. Иное дело, что такие агенты доверием руководства разведслужб не пользовались, а выполняли лишь отдельные поручения под строгим контролем. Прагматики и авантюристы легко становились т. н. двойными и даже тройными агентами. Мне приходилось писать, что в практике разведчика причудливо сочетаются высокая романтика и будничная работа, героические подвиги и глубокое нравственное падение, альтруизм и корыстолюбие — разнообразие, сравнимое лишь с самой жизнью. Два издания моей книги "Рассекреченные судьбы", вышедшие в 1999 и 2001 г. г., смогли охватить около двухсот таких судеб, хотя почти каждой из них могут быть посвящены отдельные тома. Не будет неожиданным тот факт, что особое моё внимание привлекли разведчики, жизнь (или) деятельность которых связана с нашим городом. Таковых было немало. Но, пожалуй, две фигуры из их числа оказались фантастически интересными и неправдоподобно эффективными по многообразию и количеству совершенных ими акций. Осведомлённому читателю нетрудно догадаться, что я имею в виду Сиднея Рейли и Якова Блюмкина. Об этом последнем и пойдёт речь в предлагаемом очерке.

Этот номер газеты выходит в дни, когда исполняется ровно 85 лет со дня завершения уникальной судьбы нашего земляка. Сразу оговорюсь, что я практически не работал с архивными документами спецслужб, доступ к которым непрост и нынче, но довелось ознакомиться со значительным количеством нередко противоречивых источников в биографической литературе, на официальных сайтах, в блогосфере, видеоматериалах. Шпионские биографии практически никогда не бывают абсолютно достоверными. Слишком много усилий прилагается к тому, чтобы сделать их именно такими.

Судя по большинству доступных материалов, Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершевич) Блюмкин (псевдонимы: Исаев, Макс, Владимир, Вишневыский, Живой и масса других) — революционер, чекист, советский разведчик и контрразведчик, террорист, государственный и военный деятель, считается одним из создателей советских разведывательных служб. Возможный прототип молодого Штирлица. По данным, сообщенным ЧК в 1918 году самим Блюмкиным, родился он 8 октября 1900 года в Одессе, на Молдаванке. Но он не был бы Блюмкиным, если бы от него не исходили различные версии любых событий. В соответствии с наиболее достоверной версией Яков происходил из одесской пролетарской семьи, и то, что с полуторагодовалого возраста он с нищей семьей отца, в которой было пятеро детей, жил на Молдаванке в Одессе, практически не вызывает сомнений у биографов.

Выстроить надёжную хронологическую последовательность совершённых им или приписываемых ему действий и связанных с ними событий не представляется возможным, т. к., совершенно различные по характеру и месту происшествию, они нередко проецируются на одни и те же временные периоды. Поэтому при их изложении постоянно хочется употреблять формулировки "очевидно", "скорее всего", "наиболее вероятно"...

В 1913 г. Блюмкин окончил еврейскую начальную школу — Талмуд-тору, которой руководил известный писатель — "дедушка еврейской литературы" Менделеев Мойхер-Сфорим. Обучение в школе было бесплатным, за счёт иудейской общины. Там он получил начальные знания в древнееврейском и русском языках. Блюмкин писал:

"В условиях еврейской провинциальной нищеты, стиснутой между национальным угнетением и социальной обездоленнос-

тью, я рос, предоставленный своей собственной детской судьбе".

В автобиографии он указал, что в 1914 году (14 — 15-ти лет от роду) работал электромонтёром в Одесском трамвайном депо, затем в театре, на консервной фабрике братьев Аврич и Израильсона. Брат его Лев был анархистом, а сестра Роза — социал-демократкой. Старшие братья Якова — Исая и Лев — были журналистами одесских газет, а брат Натан получил признание как драматург (псевдоним — Базилевский). Яков участвовал в отрядах еврейской самообороны против погромов в Одессе. Вступил в партию социалистов-революционеров. Как агитатор "по выборам в Учредительное собрание", он в августе — октябре 1917 года побывал в Поволжье, а уже в ноябре 1917-го примкнул к отряду матросов, участвовал в боях с частями украинской Центральной Рады. Во время революционных событий в Одессе в 1918 г. участвовал в экспроприации ценностей Государственного банка. По слухам, часть конфискации присвоил. Одно время в Одессе подрабатывал в конторе некоего Пермена на Военном спуске, в роде деятельности которой краеведы не разобрались, но чем в ней занимался младший служащий Блюмкин, уже не скрыть. Он наладил подделку документов, обеспечивавших освобождение от призыва. Разоблачённый Яша заявил, что делал это по приказу хозяина. Оклеветанный Пермен подал в суд, который, вопреки ожиданиям, Блюмкина оправдал. Оказалось, что, узнав о неподкупности судьи, Яков послал ему какое-то подношение с вложенной в него визиткой своего шефа. Возмущённый откровенной взяткой, судья вынес оправдательное решение. Узнавший об этом Пермен возмутился, но потом дал Блюмкину характеристику, которой тот всегда гордился: "Подлец, несомненный подлец, но талантливый". В январе 1918-го Блюмкин совместно с Моисеем Винницким (Мишкой Япончиком) принимает активное участие в формировании в Одессе 1-го Добровольческого "железного" отряда. Входит в доверие к диктатору революционной Одессы Михаилу Муравьеву, которого одесситы называли "красным маршалом".

Анархистское, а затем эсеровское подполье, первые "опыты" экспроприаций, мошенничества и подлогов ярко проявили его характерные качества революционного авантюриста: жестокость, цинизм, беспринципность, непомерную амбициозность и при этом, безусловно, довольно широкий спектр способностей и талантов, выраженную склонность к романтизму. В одесской периодике, в газетах "Одесский листок", "Гудок" и в журнале "Колосья", печатались первые стихи Блюмкина, да и впоследствии он продолжал их писать. В Одессе Блюмкин знакомится с поэтом А. Эрдманом, членом Союза защиты родины и свободы, английским шпионом и типичным тройным агентом. Возможно, Эрдман дал старт дальнейшей головокружительной карьере Блюмкина в ЧК. Уже в апреле 1918-го Эрдман под видом лидера литовских анархистов Бирзе ставит под свой контроль часть вооружённых анархистских отрядов Москвы и одновременно работает для ЧК, собирая информацию о немецком влиянии в России для стран Антанты. Когда в мае 1918 года Блюмкин приехал из Одессы в Москву, ЦК Партии левых эсеров делегировал его в ВЧК, где он сразу же назначается заведующим отделом по борьбе с международным шпионажем. С июня 1918 года — заведующий отделением контрразведывательного отдела по наблюдению за охраной посольств и их возможной преступной деятельностью. В основном Блюмкин занимался "немецкими шпионами". Находясь в должности (данные разноречивы в разных источниках) начальника "германского" отдела ВЧК, Блюмкин 6 июля 1918 г. явился в посольство Германии якобы для обсуждения судьбы военнопленного (ранее завербованного Блюмкиным) — дальнего родственника посла графа Вильгельма фон Мирбаха, которого арестовала ЧК. Его сопровождал сотрудник того же отдела ЧК, матрос Николай Андреев. Около 15 часов Блюмкин несколько раз выстрелил в посла, а Андреев, убегающий в гостиную две бомбы. Посол погиб на месте. Преступники скрылись. Однако Б. Бажанов в своих воспоминаниях описывает эти

события иным образом: "Об убийстве Мирбаха двоюродный брат Блюмкина рассказывал, что дело было не совсем так, как описывает Блюмкин: когда Блюмкин и сопровождавшие его чекисты были в кабинете Мирбаха, Блюмкин бросил бомбу и с чрезвычайной поспешностью выбросился в окно, причем повис штанами на железной ограде в очень некомфортабельной позиции. Сопровождавший его матросик не спеша ухлопал Мирбаха, снял Блюмкина с решетки, погрузил его в грузовик и увёз". Матросик очень скоро погиб на фронтах гражданской войны, а чуть было не спровоцировавший возобновление военных действий (после Брестского мира) левый эсер Блюмкин был самым молодым начальником управления в истории ВЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. Блюмкин был объявлен большевиками вне закона, но очень скоро перешёл на их сторону, предав организацию левых эсеров. И это невзирая на то, что провокационное убийство Мирбаха послужило сигналом для вооружённого выступления левых эсеров против советского правительства во главе с большевиками. Позже в беседе с женой Луначарского Натальей Луначарской-Розенель и с её двоюродной сестрой Татьяной Сац Блюмкин признался (если не солгал), что о плане покушения на Мирбаха знали и Дзержинский, и Ленин. Никаких других исторических свидетельств этого "признания" нет. Поэтому неудивительно, что существует совершенно другая версия этих событий, свидетельствующая о том, что после провала эсеровского мятежа Блюмкин под фамилией Белов скрывался в больницах Москвы, Рыбинска и Кимр, затем под именем Григория Вишневыского работал в Кимринском комиссариате земледелия. А затем, уже в сентябре 1918-го, оказался в Украине. В ноябре того же года, в момент всеобщего восстания против украинского гетмана Павла Скоропадского и австро-немецких оккупантов, Блюмкин находит своих партийных товарищей-эсеров в Киеве и включается в их подпольную работу. Он участвует в подготовке террористического акта против Скоропадского и в покушении на командующего немецкими оккупационными войсками в Украине фельдмаршала Эйхгорна. По этим же данным, в декабре 1918 — марте 1919 г. Блюмкин был секретарем Киевского подпольного горкома ПЛСР. По заданию ВЦИКа был якобы задействован и в подготовке покушения на адмирала Колчака, необходимость в котором отпала из-за ареста Колчака левыми эсерами в Иркутске. В марте 1919 года близ Кременчуга попал в плен к петлюровцам, которые выбили Блюмкину передние зубы и жестоко избили. После месячного лечения, в апреле 1919 г., Блюмкин явился с повинной в ЧК. Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИКа и с одобрения Ф. Дзержинского приняла решение об амнистии Блюмкина. Писали также, что ранее Ленин велел "железному Феликсу" хорошо искать и... не найти Блюмкина, выдачи которого требовала германская сторона. В октябре 1919 г. он получает первые задания по борьбе со шпионажем на Южном фронте. Отмечалось, что он выдал ЧК многих своих прежних товарищей и был заочно приговорён левыми эсерами к смерти. На него совершили 3 покушения, Блюмкин был тяжело ранен, но сумел скрыться из Киева. Правдоподобие этой версии подкрепляется тем, что активной участницей эсеровской боевой дружины, охотившейся на Блюмкина, была его тогдашняя возлюбленная Лида Соркина... Согласно другой, также вполне правдоподобной версии, за убийство Мирбаха Блюмкин был в 1920-м приговорён армейским военным трибуналом к расстрелу. И вовсе не Дзержинский, а Троцкий добился, чтобы смертную казнь заменили "искуплением вины в боях по защите революции", взял его к себе в штаб, где Блюмкин провёл всю гражданскую войну начальником личной охраны наркомвоенмора. Затем своим шефом он был направлен на учёбу в Академию Генштаба РККА, после окончания сокращённого курса которой вновь был переведен в органы ГПУ. С Блюмкиным и тут всё не просто, и ещё одна, третья, изобилующая подробностями версия утверждает, что в 1920 г. дело Блюмкина рассматривал (заочно?) межпартийный суд по делам, связанным с левозеровским восстанием, куда

входили анархисты, левые эсеры, максималисты, боротьбицы. Товарищеский суд возглавил Карелин — бывший член ВЦИКа РСФСР, мистик, лидер российских анархистов-коммунистов. Суд этот тянулся две недели, но якобы так и не вынес окончательного решения. Вот попробуй разберись в этих обстоятельствах. Тем более что последующая информация почти перечёркивает всё вышесказанное о перипетиях, связанных с Блюмкиным в годы гражданской войны. В частности, подробно излагаются сведения о том, что когда в мае 1920 года Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием Федора Раскольниково и Серго Орджоникидзе была направлена в Энзели (Персия) с целью возвращения российских кораблей, которые увели в Персию эвакуировавшиеся из российских портов белогвардейцы, дело там не обошлось без вездесущего Блюмкина... В результате последовавших боевых действий белогвардейцы и занимавшие Энзели английские войска отступили. Воспользовавшись этой ситуацией, в начале июня вооружённые отряды революционного движения дженгалийцев под командованием Мирзы Кучекхана захватывают город Решт — центр остан Гилан, после чего здесь провозглашается Гилянская Советская Республика. Вот тут-то Блюмкина направляют в Персию, где он участвует в свержении Кучекхана и приходе к власти хана Эхсануллы, которого поддержали местные "левые" и коммунисты. В боях он шесть раз (!) был ранен. После переворота Блюмкин участвовал в создании Иранской коммунистической партии (на базе Социал-демократической партии Ирана "Адалят"), стал членом её Центрального комитета и военным комиссаром штаба Красной армии Гилянской Советской Республики. Он представлял Персию на Первом съезде угнетённых народов Востока, созванном большевиками в Баку. В Персии Блюмкин знакомится с будущим успешным советским военным разведчиком Яковом Серебрянским, содействовал устройству его сотрудником особого отдела Иранской Красной армии. В сентябре 1920 года правительство РСФСР принимает решение о сворачивании своей военной операции в Персии и приступает к переговорам с шахским правительством. В 1920 — 21 годах Блюмкин — начальник штаба 79-й бригады (помните, указывалось, что он всю войну провёл в штабе Троцкого?), а позже — комбриг, планировал и осуществлял карательные акции против восставших крестьян Нижнего Поволжья, на Тамбовщине, в подавлении Еланского восстания. Осенью того же 1921 года Блюмкин командует 61-й бригадой, направленной на борьбу против войск барона Унгерна фон Штернберга. Позднее он занимал ряд высоких командных должностей в войсках и штабах Красной армии, был награждён орденом Боевого красного знамени. Вообще же знакомство с материалами о 1920 — 21 годах оставляет чёткое ощущение, что Блюмкин одновременно находился в разных географических точках, на разных должностях в разных гражданских и военных структурах.

Согласно этим данным, вернувшись в Москву, Блюмкин написал и издал (как, когда успел?) книжку о Дзержинском и стал его фаворитом в ЧК, именно по его личной рекомендации вступил в РКП(б). Дзержинский, не жаловавший Блюмкина за авантюризм, но ценивший как бесстрашного агента, переманил его в ИНО (иностранный отдел ГПУ). Указывается, что во время учёбы в Академии Блюмкин (правда, неясно, каким образом — молниеносно?) к знанию иврита добавил знание турецкого, арабского, китайского, монгольского языков, приобрёл обширные военные, экономические, политические знания. "Природная смекалка и умение разбираться в драгоценных камнях, обретенное им во время одесских экспроприаций" (так убедительно и красноречиво излагает источник), позволили Блюмкину всё той же осенью 1921 года быстро раскрутить дело с хищениями в Гохране. В октябре Блюмкин под псевдонимом Исаев (взят им по имени деда) едет в Ревель (Таллинн) в роли "ювелира" и, выступая в качестве провокатора, выявляет заграничные связи работников Гохрана.

Se non e vero, ma ben trovato! — если это и неправда, то хорошо придумано! (итал.),

